

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ ¹⁾.

Во время одного изъ моихъ пребываній съ транспортомъ „Японецъ“ въ Дуэ, мы тамъ застали пароходъ „Америка“, приходившій туда съ адмираломъ Фуругельмомъ. Обходя Дуйскій постъ въ сопровожденіи начальника поста и нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ, онъ заходилъ и на маякъ, гдѣ смотритель маяка жаловался на начальника поста, что тотъ ему не даетъ лошади для возки прѣсной воды маячной командѣ.

„Такъ сказать, почему вы не даете лошади смотрителю маяка?“ — спросилъ адмиралъ, который имѣлъ привычку въ каждую свою фразу вставлять слова „такъ сказать“. — „Я не обязанъ ему давать лошадь, ваше превосходительство“. — „Такъ сказать, давайте ему лошадь!“ приказалъ Фуругельмъ. Тогда, чтобы точнѣе оформить свою просьбу, смотритель маяка сталъ просить и телѣгу подъ бочку съ водой, т. к. его отношенія къ начальнику поста были очень натянуты, и онъ рисковалъ получить только лошадь, безъ телѣги. Тутъ адмиралъ снова обратился къ начальнику поста со словами: „Такъ сказать, давайте ему и телѣгу!“ — „Ваше превосходительство, у насъ на маякѣ бочки нѣтъ, прикажите также и бочку давать“. На этотъ разъ нашъ адмиралъ уже потерялъ терпѣніе и разсердившись сказалъ: „Такъ сказать, ничего ему не давайте!“. Такимъ образомъ, смотритель маяка остался, какъ въ пушкинской сказкѣ, при старомъ разбитомъ корытѣ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Въ южныхъ гаваняхъ былъ однажды такого рода куръезъ: Фуругельмъ, объѣзжая край вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ Синельниковымъ, предложилъ послѣднему съѣздить въ селеніе Пуцловку, которое было заселено корейцами. „Да, да, везите меня къ моимъ милымъ корельцамъ“. Будучи не очень высокаго образованія, Синельниковъ повидимому ничѣмъ не отличалъ Кореи отъ Карелии.

Во время ихъ совмѣстнаго объѣзда края оба ѣхали въ общемъ тарантасѣ, но другъ съ другомъ почти не разговаривали — сидѣли молча, насупившись, точно были между собой въ ссорѣ. Чтобы какъ-нибудь загладить неловкость такого молчанія, Синельниковъ по временамъ ворчалъ на ямщика, а при каждомъ неприятномъ толчкѣ на ухабахъ даже ругалъ его очень непристойными словами. Фуругельмъ, какъ человекъ деликатнаго воспитанія, съ трудомъ выдерживалъ такую руготню и однажды, не доѣхавъ 1½ версты до какого-то поселка, обратился къ своему попутчику со словами: „Позвольте остановить лошадей, я слѣзу и пойду пѣшкомъ, т. к. вы, ваше превосходительство, такъ сказать, все время ругаетесь, какъ извозчикъ“. Онъ дѣйствительно вылѣзъ изъ экипажа и дальше побрелъ пѣшкомъ.

Въ 1874 году я былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и незадолго передъ отъѣздомъ, какъ-то проѣзжая верхомъ въ окрестностяхъ Посьета, увидѣлъ на дорогѣ много валявшихся труповъ корейцевъ. Надо сказать, что въ то время къ намъ совершалось великое переселеніе корейскаго народа. Это происходило вслѣдствіе голодухи, а также деспотизма корейскихъ правительственныхъ чиновниковъ. Въ группѣ умиравшихъ на дорогѣ съ голоду я замѣтилъ одного четырехлѣтняго мальчика-сироту и, подобравъ его, взялъ съ собой на судно, а потомъ повезъ и въ Россію, чтобы его окрестить въ православную вѣру и воспитать. Позже въ немъ принялъ большое участіе нашъ извѣстный филантропъ и богачъ Пашковъ, который помѣстилъ его въ школу въ своемъ имѣніи. Тамъ у него была масса и другихъ бездомныхъ мальчиковъ, подобранныхъ на улицахъ различныхъ русскихъ городовъ, такъ что мой кореецъ Тутонеми очень скоро выучился говорить по-русски. Мальчикъ по натурѣ своей былъ тупъ и лѣнивъ, а потому въ ученіи не дѣлалъ никакихъ успѣховъ. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ Пашковымъ снова привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ выучку къ обойному мастеру Лизере, а затѣмъ вскорѣ окрещенъ священникомъ Петропавловской крѣпости Н. Н. Колоколовымъ, который передалъ мальчику свое имя и фамилію.

Нѣсколько другихъ морскихъ офицеровъ, служившихъ въ Амурской флотиліи, также подобрали по мальчику изъ корейскихъ си-

ротъ - переселенцевъ и, сколько я помню, всѣ эти подобранныя дѣти оказались дурными и быстро безслѣдно пропадали въ пространство. Изъ нихъ выходили неспособные и вороватыя негодяи; это участь всѣхъ азіатовъ желтой расы, сразу не попавшихъ въ очень суровыя руки.

По прибытіи въ Балтику, я плавалъ на корветѣ „Варягъ“, который принадлежалъ къ учебному кадетскому отряду; тамъ я состоялъ въ качествѣ руководителя воспитанниковъ по морскому дѣлу. Къ числу выдающихся молодыхъ людей и впоследствии отличившихся на поприщѣ морской службы, могу указать изъ того выпуска Шенна, Вл. Пароменскаго, Воеводскаго, Дюшена и др.

Послѣ годовой службы здѣсь, я опять попалъ въ Сибирскую флотилію и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба командира Владивостокскаго порта; на эту должность я выѣхалъ на Дальній Востокъ одновременно съ адмираломъ Эрдманомъ. Плаваніе наше до Шанхая было сдѣлано на французскомъ почтовомъ пароходѣ „Messageries Maritimes“, а далѣе, до Владивостока, на ожидавшемъ насъ клиперѣ „Абрекъ“. „Абрекомъ“ командовалъ Ф. С. Шанцъ. Когда мы, слѣдуя во Владивостокъ, уже поравнялись съ Цусимой, задулъ жестокій штормъ отъ N, разведшій огромное крутое волненіе; клиперъ подъ парами едва подвигался впередъ. Это происходило въ декабрѣ, и морозъ доходилъ до—12° R; брызги волнъ моментально замерзали на бортахъ и палубѣ; онѣ нерѣдко попадали и на нижнія реи, такъ что въ случаѣ надобности нельзя было рассчитывать на паруса.

На клиперѣ въ это время находилось и семейство адмирала. Во время шторма на боканцахъ разбило два катера, утлегарь съ клиперами унесло въ море, а проволочный его такелажъ намотался на гребной винтъ. Капитанъ Шанцъ, несмотря на всѣ такія серьезные обстоятельства, продолжалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ держаться иротивъ вѣтра. Клиперъ уже весь обледенѣлый почти на футъ погрузился ниже и замѣтно сѣлъ на носъ; штуртросъ приходилось безпрестанно поливать горячимъ масломъ; словомъ, по временамъ было очень жутко, и былъ даже моментъ, что адмиралъ пожелалъ повернуть на югъ, но Шанцъ энергично настаивалъ на своемъ рѣшеніи идти впередъ и курса не перемѣнилъ. Когда адмиралъ пригрозилъ ему смѣной за неисполненіе приказаній, то Шанцъ отвѣтилъ, что его могутъ отрѣшить отъ должности во Владивостокѣ, а въ морѣ онъ клипера никому не сдастъ.

Когда мы уже увидѣли на горизонтѣ вершины острова Аскольдъ, то убѣдились, что клиперъ, вопреки расчета, значительно подало впередъ теченіемъ. Подъ берегомъ острова волненіе нѣсколько

улеглось, и намъ удалось благополучно войти въ бухту Разбойникъ, гдѣ съ корпуса тотчасъ скололи ледъ и по возможности все привели въ порядокъ. Черезъ сутки послѣ этого „Абрекъ“ благополучно добрался и до Владивостока, медленно пробираясь сквозь ледъ, который уже успѣлъ затянуть собой всю бухту. Вмѣстѣ съ этимъ, миролюбиво окончился и конфликтъ между командиромъ и адмираломъ, и все обошлось по хорошему.

По съѣздѣ на берегъ, адмиралъ былъ съ подобающими почестями встрѣченъ мѣстнымъ начальствомъ, въ числѣ котораго находился и отставленный отъ должности психически больной бывшій начальникъ штаба порта кап. 2 ранга Афанасьевъ. Одной изъ странностей его поступковъ было то, что онъ, исправляя временно обязанность командира порта, отдалъ приказъ о ссылкѣ въ каторгу своего помощника адъютанта штаба лейтенанта Мальцова. Когда адмиралъ Эрдманъ уже успѣлъ устроиться въ своей квартирѣ и собирался въ спальнѣ, къ ночи, ложиться спать, къ нему неожиданно вошелъ черезъ кухню Афанасьевъ; остановившись у кровати адмирала, онъ сталъ что-то несвязно лепетать и, напугавъ своимъ появленіемъ всю семью его, снова выбѣжалъ на улицу; при этомъ онъ надѣлъ на себя адмиральскую шинель, вмѣсто своей.

Весной 1876 года меня назначили командиромъ транспорта „Ермакъ“ и отправили въ плаваніе по портамъ Сахалина для доставки провіанта и припасовъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Въ началѣ ноября, когда я снова возвратился во Владивостокъ, то получилъ приказаніе отправиться съ транспортомъ въ С.-Франциско, куда передъ этимъ отправились уже семь судовъ эскадры Тихаго океана и Сибирской флотиліи. Эскадрой командовалъ адмиралъ Пузино. Весь переходъ я совершилъ подъ парусами въ 40 сутокъ. Суда наши собрались въ С.-Франциско въ виду предстоявшаго тогда разрыва сношеній съ Англіей. Дипломатія обѣихъ сторонъ однако скоро помирилась, и войны не было, такъ что мы напрасно пробыли въ Калифорніи около 8 мѣсяцевъ.

Въ 1877 году, когда турецкая кампанія была въ полномъ разгарѣ, Владивостокъ долгое время оставался безъ всякой почты—сначала вслѣдствіе обыкновенной осенней распутицы, а потомъ изъ-за бывшихъ тогда постоянныхъ проливныхъ дождей. Дожди значительно подняли уровень воды въ рѣкахъ и озерахъ, и вся окружающая мѣстность очутилась подъ водой; главнымъ образомъ была затоплена вся долина рѣки Мо—отъ Камень-Рыболова до Суфур-скаго водораздѣла.

Какъ-то за обѣдомъ у губернатора (онъ же и командиръ порта)

я въ присутствіи другихъ приглашенныхъ официальныхъ лицъ позволилъ себѣ высказать неудовольствіе по поводу того, что начальство не принимаетъ никакихъ мѣръ для доставки почты изъ Камень-Рыбалова, гдѣ ея въ то время накопилось уже болѣе 400 пудовъ. Городъ такимъ образомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ оставался совершенно отрѣзаннымъ отъ всего міра. Телеграфное сообщеніе Уссурійскаго края было также тогда временно прекращено, вслѣдствіе того, что множество столбовъ отъ разлива рѣкъ повалило на землю, а исправленіе телеграфа было сейчасъ невозможно. Мы рѣшительно не знали, что дѣлалось на театрѣ военныхъ дѣйствій. Казначейство наше также оскудѣло, и служащіе уже два мѣсяца какъ не получали жалованья. Въмѣсто денегъ, офицеры и чиновники временно получали особые размѣнные чеки для покупки предметовъ первой необходимости въ магазинѣ Кунстъ и Альберса.

Разговоръ мой за столомъ вызвалъ неудовольствіе со стороны начальника штаба порта капитана 1 ранга Н., который послѣ обѣда предложилъ адмиралу отправить меня въ Камень-Рыболова за почтой, дабы тѣмъ наказать меня за мою дерзость, выразившуюся въ осужденіи начальства за бездѣйствіе власти; онъ хорошо понималъ, какими лишеніями и неудобствами должно было сопровождаться мое путешествіе въ пору полной распутицы.

На слѣдующій день я получилъ предписаніе отъ адмирала поѣхать за почтой, и съ этой цѣлью мнѣ было предложено набрать изъ моей команды необходимое число людей и въ тотъ же день выступить въ походъ. Выданный мнѣ при этомъ открытый листъ давалъ мнѣ довольно большія полномочія, чтобы самостоятельно распоряжаться въ пути требованіемъ всякихъ необходимыхъ средствъ передвиженія. Въ предписаніи, которое было конечно подписано адмираломъ, я между прочимъ усмотрѣлъ среди текста приписку, сдѣланную рукой начальника штаба: „Въ случаѣ недоставки почты до заморозковъ, всѣ расходы по поѣздкѣ будутъ отнесены на счетъ вашего высокоблагородія“. Само собой разумѣется, что эта приписка, помимо того, что угрожала мнѣ денежнымъ взысканіемъ, еще сильно задѣвала мое самолюбіе; я смотрѣлъ на это, какъ на злостное недоброжелательство ко мнѣ со стороны этого начальника. Выбравъ восемь человекъ бравыхъ матросовъ, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ боцманъ, я поздно вечеромъ уже тронулся въ путь; кромѣ небольшого количества вина и провизіи, мы захватили съ собой 4 топора, веревки и плотничный инструментъ, не забывъ также нагрузить карманы гвоздями различной величины. Не буду вдаваться въ подробности касательно трудности пути и всѣхъ мѣръ, которыя были мною приняты при переправѣ черезъ разлившіяся

рѣки, а скажу только, что команда моя безукоризненно хорошо выполняла всѣ мои распоряженія, не щадя даже своего здоровья.

Нѣкоторые смотрители почтовыхъ станцій не только не содѣйствовали мнѣ въ достиженіи успѣха, но, напротивъ, всячески тормозили наше дѣло, ссылаясь на свои контракты съ правительственными лицами и утверждая, что они брались перевозить почту и людей только по исправнымъ дорогамъ, а не въ такую ужасную распутицу, когда все рѣшительно покрыто водой и льдомъ. Прибывъ наконецъ въ Камень-Рыболова (въ 250 верстахъ отъ Владивостока), я отправился на почту съ рѣшимостью захватить съ собою только денежную корреспонденцію и въ крайнемъ случаѣ самую послѣднюю почту; это все вмѣстѣ составляетъ 90 пудовъ. При выборкѣ сказанной корреспонденціи, я съ самаго начала встрѣтилъ полное сопротивленіе со стороны почтмейстера, не позволявшаго мнѣ разворачивать баулы. „Берите по нумернику все сплошь, а ворошить я ничего не позволю“, говорилъ онъ мнѣ. При этомъ онъ ссылался на почтовые порядки. Мнѣ же не было никакой возможности брать съ собой всю уйму писемъ, т. к. этого не позволяло состояніе дороги. Предъявивъ ему мой открытый листъ, я его отстранилъ и освободилъ отъ отвѣтственности составленіемъ особаго протокола. На всю выбранную мною корреспонденцію я составилъ подробный списокъ и за моею подписью выдалъ ему отдѣльную копию.

На обратномъ пути во Владивостокъ мы застали всю степь покрытою по верхъ воды тонкимъ слоемъ льда; ледъ этотъ по слабости своей не выдерживалъ тяжести лошадей, и вслѣдствіе этого бѣдныя животныя, безпрестанно проваливаясь, рѣзали себѣ ноги до крови.

На одной станціи смотритель вслѣдствіе распутицы отказался намъ дать поставку и даже запряталъ въ сарай подъ замокъ передки всѣхъ своихъ телѣгъ. Несмотря на мои настоятельныя требованія открыть сарай, онъ упорствовалъ и говорилъ мнѣ грубости, почему я вынужденъ былъ принять противъ него крутыя мѣры. Пришлось его связать и помѣстить въ отдѣльное помѣщеніе съ угрозой продержать его тамъ, пока не выдастъ передковъ.

Просидѣвъ около двухъ часовъ взаперти, смотритель станціи уступилъ силѣ и согласился открыть сарай, чтобы насъ по хорошему отпустить въ дальнѣйшій путь.

Наступившіе въ это время морозы и отсутствіе топлива очень давали себя чувствовать на необозримомъ пространствѣ ледяной водной степи; люди терпѣли отъ стужи и недостатка теплой пищи, а переходы между тѣмъ были длительные, т. к. почта шла на

волахъ. Особенное затрудненіе представляли собой переправы черезъ рѣчки.

Добравшись до села Никольскаго, я долженъ былъ спуститься по теченію рѣки Суйфунъ въ Амурскій заливъ и для этой цѣли я у крестьянъ прибрѣлъ за деньги четыре долбленыхъ *баша*, которые связалъ по-парно, сдѣлавъ поверхъ ихъ досчатую настилку, куда и положилъ почту, тутъ же размѣстившись и съ людьми. На половинѣ пути по заливу меня встрѣтилъ портовый барказъ „Китъ“, высланный къ мнѣ на помощь; онъ меня и конвоировалъ до самаго порта.

На городской пристани меня встрѣтила вся мѣстная интеллигенція, среди которой находился и адмиралъ. Когда я вышелъ на берегъ, то изъ присутствовавшихъ отдѣлился Ф. С. Шанцъ, командовавшій тогда клиперомъ „Абрекъ“, и подошелъ ко мнѣ, чтобъ меня привѣтствовать и поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ. Онъ меня обнялъ, расцѣловалъ и громко сказалъ, что вполне оцѣниваетъ трудность исполненнаго мною порученія. Предоставляю читателю судить о томъ, какъ сильно былъ разочарованъ въ моемъ успѣхѣ начальникъ штаба, и какъ довольны были тѣ, которымъ выпала радость получить извѣстіе отъ родныхъ и друзей.

Все мое путешествіе до Камень-Рыболова и обратно продолжалось 18 сутокъ.

Сдавъ въ штабъ всю привезенную почту, я отправился домой и слегъ въ постель, получивъ тифъ; одновременно со мной захворали три человѣка моей команды. Всѣ мы болѣли около мѣсяца, т. к. здоровье наше было сильно расшатано, но тѣмъ не менѣе крѣпкая молодая натура взяла верхъ, и къ Рождеству мы всѣ снова уже были на ногахъ и считались совершенно выздоровѣвшими.

Изъ послѣднихъ газетъ, доставленной мной почты, мы узнали о взятіи нашими войсками Плевны, а также прочли и о другихъ побѣдахъ, вслѣдствіе чего въ городѣ было большое ликованіе; въ церквахъ отслужили молебенъ и адмиралъ произвелъ гарнизону парадъ. За всѣ новости, доставленные мною, я нѣкоторое время былъ героемъ дня въ городѣ, и многіе неприятели жалѣли меня, пока я хворалъ.

Во время пребыванія транспорта „Японецъ“ въ Николаевскѣ, изъ-за нерадивости и упрямства священника госпитальной церкви, произошелъ однажды одинъ весьма неприятный инцидентъ, подробности котораго привожу ниже. Дѣло въ томъ, что командиръ транспорта былъ увѣдомленъ запиской штаба, что на берегу, въ госпиталѣ, скончался одинъ изъ матросовъ его команды, вслѣдствіе чего предлагалось прислать на берегъ земляковъ покойнаго при офицерѣ,

чтобъ обрядить умершаго и на ночь перенести его въ церковь. Вечеромъ, передъ раздачей коекъ, офицеръ и нѣсколько матросовъ изъ команды транспорта уже были въ госпиталѣ; обрядивъ покойника, нижніе чины понесли его въ гробъ въ церковь, а офицеръ отправился разыскивать священника, чтобы тотъ открылъ церковь и отслужилъ панихиду. Велико же было его удивленіе, когда священникъ о. Михайлъ сказалъ, что за позднимъ часомъ онъ служить не будетъ и дверей церковныхъ не откроетъ. За позднимъ же часомъ и офицеръ не рѣшился переносить покойника по темнымъ городскимъ улицамъ обратно въ госпиталь и потому рѣшилъ оставить его на церковной паперти на отвѣтственность причта и подъ охрану сторожа; гробъ былъ затѣмъ закрытъ крышкой, и люди удалились для переѣзда на судно.

Утромъ слѣдующаго дня, когда команда снова прибыла къ церкви для погребенія своего товарища, люди съ ужасомъ увидѣли, что крышка гроба была сдвинута въ сторону, а покойникъ лежалъ свѣсившимся за бортъ гроба; одинъ бокъ мертвеца оказался при этомъ выѣденнымъ собаками. Офицеръ сталъ естественно укорять священника за то, что гробъ съ вечера не былъ допущенъ въ церковь и грозилъ довести объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія начальства, но о. Михайлъ, испугавшись ожидавшей его за это кары, началъ упрашивать офицера никому не говорить объ этомъ; тотъ въ свою очередь согласился молчать только въ виду того, что и нижніе чины по врожденному русскому челоуѣку добродушію, упросили его не поднимать изъ-за случившагося никакого дѣла. Такъ это безобразіе, благодаря миролюбивому простодушію нашего простолюдина, осталось безъ непріятной развязки.

Окончивъ уже второе пятилѣтіе моего пребыванія въ Амурской флотиліи, я осенью 1880 года получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Мнѣ было предоставлено слѣдовать домой на лошадяхъ черезъ Сибирь или морскимъ путемъ на иностранномъ почтовомъ пароходѣ. Въ это время на бѣду явились ко мнѣ доброжелатели и совѣтчики, уговорившіе меня отправиться лучше на пароходѣ Добровольнаго флота. Какъ разъ въ это время на Балтийскомъ рейдѣ разгружался пароходъ „Россія“, и всѣ утверждали, что на своемъ, русскомъ, родномъ пароходѣ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и пріятнѣе плыть, чѣмъ на иностранномъ. Я въ своей душевной простотѣ послушался ихъ и занялъ на „Россіи“ четырехмѣстную каюту; но какъ страшно я послѣ въ этомъ рассказывался! Все плаваніе обратилось въ сплошной рядъ терзаній и лишеній.

„Россіей“ командовалъ кап.-лейт. Алексѣй Орест. Балкъ. Онъ

по пути заходилъ въ Шанхай за чаемъ, которымъ, въ виду своихъ личныхъ интересовъ, занялъ кромѣ трюмовъ еще цѣлый рядъ каютъ и часть салона 1-го класса. Командиры получали тогда свои грузовые проценты сообразно съ количествомъ перевозимаго груза. Миѣ съ семействомъ была отведена каюта на лѣвомъ борту, который въ теченіе всего 52 дневнаго плаванія оставался на солнцѣ. Бортъ былъ покрашенъ въ черный цвѣтъ и вслѣдствіе этого все время накаливался. Несмотря на мои неоднократныя и убѣдительныя просьбы дать миѣ каюту по правому борту, Балкъ настойчиво отказывалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что чай долженъ находиться въ болѣе прохладномъ помѣщеніи, а что до пассажировъ ему очень мало дѣла. Въ Шанхаѣ я хотѣлъ было пересѣсть на французскій пароходъ, но Балкъ не соглашался возратить миѣ проѣздной платы.

Пассажирскія злключенія состояли изъ слѣдующихъ деталей: весь пароходъ былъ переполненъ огромнымъ количествомъ большихъ крысъ, которыя даже во время общаго обѣда бѣгали подъ столомъ по ногамъ обѣдавшихъ пассажировъ; прѣсную воду для питья давали обыкновенно неостуженной; трубы W. C., примыкавшаго къ столовой, были совершенно испорчены и поэтому издавали сильное зловоніе съ примѣсью запаха карболки, такъ что и вся пища, подававшаяся къ столу, неизбежно отдавала карболкой; для умыванія рукъ и лица давали очень мало прѣсной воды, и при томъ она имѣла всегда большую примѣсь минеральнаго масла, чрезъ что противно было умываться. На верхней палубѣ пассажирамъ не разрѣшалось разсаживаться въ креслахъ, т. к. это не гармонировало полувоенной обстановкѣ купеческаго корабля. Клоповъ было во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ столько же, сколько на берегахъ морей песку и во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ ихъ водится на пассажирскихъ пароходахъ Чернаго моря. Каменнаго угля брали въ портахъ обыкновенно съ большимъ запасомъ, такъ что имъ часто заваливалась вся верхняя палуба, и это не давало возможности пассажирамъ свободно двигаться по палубѣ и дышать свободнымъ воздухомъ. Кормили насъ отвратительно, а главное, несвоевременно; послѣднее происходило изъ-за того, что командиръ парохода всегда опаздывалъ къ столу, а безъ него прислуга не смѣла подавать; такія опаздыванія доходили до часа и болѣе. Въ добавокъ ко всему, надо сказать, что Балкъ былъ крайне грубъ въ обращеніи со своими офицерами и съ пассажирами. Вотъ, послѣ этого и рассказывайте другамъ про удобства своего роднаго парохода. На французскомъ почтовомъ пароходѣ, равно какъ и на всякомъ иностранномъ кораблѣ было бы несравненно больше комфорта, чистоты и порядка. Послѣ

плаванія на „Россіи“, я закаялся когда-либо впредь пользоваться русскими пассажирскими пароходами, когда можно будетъ плавать на иностранныхъ, и далъ зарокъ всѣмъ совѣтовать дѣлать то же самое.

Добровольный флотъ прежде вообще плохо выполнялъ свои задачи по отношенію къ пассажирамъ. Командиры его пароходовъ играли въ военную дисциплину, самодурствовали и воображали себя царьками, облеченными неограниченною властью, отчего казна терпѣла лишь одни убытки.

Я забылъ сказать, что на послѣднемъ рейсѣ передъ нашимъ плаваніемъ пароходъ „Россія“ доставилъ во Владивостокъ нѣсколько миноносцевъ въ разобранномъ видѣ и довольно значительную воинскую команду и послѣ этого не только не красился, но даже не вымылся; это отчасти и было причиной развода клоповъ и таракановъ.

Б. К. де-Ливронъ.

